

Севернорусским говорам известен глагол *кля́кать* ‘пахать’ (ЛК ТЭ). В результате контаминации слова *заклю́ка* – *кля́кать* начинают восприниматься как производное и производящее соответственно. Этому не препятствуют ни словообразовательная модель «префикс *за-* + глагольная основа + нулевой суффикс», реализующаяся в говорах: *засе́ка* ‘место, где вырублен лес’ (ЛК ТЭ), *зару́ба* ‘зарубка’ (СРНГ 11, 7), *засо́ра* ‘яма для мусора’ (СРНГ 11, 49) и др.; ни семантическая модель «действие – его результат, эксплицированный в некоей пространственной форме», актуальная для терминов полеводства: *пашня*, *диал.* *дерба́*, *дрань*, *вьіжига*, *вьідера* (ЛК ТЭ), *посе́ка* (Даль 3, 351). В аспекте внутренней формы термин *заклю́ка* вследствие сближения с глаголом *кля́кать* может осмысляться как вспаханный участок пашни.

М.Э. Рум

Информант и микротопонимическая система (из полевых наблюдений за сбором микротопонимии)

Всем, кто когда-либо проводил полевые записи микротопонимического материала в современных условиях, известно, насколько значима роль личности в репрезентации микротопонимической системы того или иного населенного пункта. Количество микротопонимов, зоны расположения называемых ими объектов, фонетические, словообразовательные варианты топонима, наличие/отсутствие номинативных дублетов – все это те параметры, которые определяют индивидуальный вариант «микротопонимического паспорта» местности. Естественно, на репрезентативные возможности того или иного носителя микротопонимии влияет его возраст, степень активности освоения микротопонимического пространства, род занятий и т.п., однако даже при прочих равных условиях оказывается, что микротопонимикон жителей одного и того же населенного пункта совпадает далеко не полностью. Представляется возможным выделить несколько типов таких несовпадений.

Тип первый – несовпадение функционального плана: в одном и том же населенном пункте различными микротопонимиконами владеют жители, которые имеют обыкновение удаляться на значительное расстояние (охотники, рыболовы, лесники, сплавщики леса) и жители, занимающиеся по преимуществу сельскохозяйственными работами вблизи дома. Данное противопоставление можно условно назвать охотничье-земледельческим. Оно может быть ярко выражено даже в пределах одной семьи, когда информант, только что охотно и подробно перечислявший названия урочищ по реке или дороге на дальний лесопункт, от-

казывается от дальнейшего разговора и передает слово жене, если речь заходит о названиях полос на полях вокруг деревни. Естественно, что чаще всего охотничий вариант микросистемы представлен мужчинами, земледельческий – женщинами, хотя есть немало мужчин-бригадиров, не владеющих микротопонимией удаленных зон землепользования, и есть женщины, ею владеющие в совершенстве. Так, жительница д. Подол Красноборского района Архангельской области А.И. Поротова оказалась носителем микротопонимической системы в радиусе более чем 100 км, в то время как мужчины – жители деревень того же сельсовета признавались при проверочном опросе, что даже не слышали о таких названиях. Сама информантка комментировала этот факт таким образом: «Я с тятенькой с детских лет и по сограм, и по мыграм, а никто столько названий не знал, сколько мой отец».

Характерно, что уровень сохранения микротопонимикона каждого из типов в том или ином населенном пункте зависит в конечном счете от личностного фактора – нередко теми или иными названиями микротопонимических объектов владеет только один оставшийся в живых старожил, и в этом отношении наиболее уязвимым оказывается «дальний» микротопонимикон, поскольку в настоящее время основным старожильческим населением в деревнях являются женщины. В связи с этим при повторных сборах материала на одной и той же территории через значительный интервал времени, как это, например, имело место при работе ТЭ УрГУ в Белозерском (1967, 1987), Верховажском (1983, 1999) районах Вологодской области, Няндомском (1972, 1984), Плесецком (1973, 1990) районах Архангельской области, возникает несовпадение состава микротопонимикона на территориях, где первичный опрос был сориентирован на информанта мужчину – охотника, сплащика, лесника, а опрос вторичный в силу объективных причин проводился в основном среди женщин, детально описывающих названия ближних к дому сельскохозяйственных угодий и с трудом припоминающих названия удаленных объектов. Здесь не помогают и крайние меры – опрос «от топонима», поскольку микротопонимиконы информантов разных типов оказываются не накладывающимися друг на друга. Потери здесь трудно восполнимы: одни не знают того, что знают другие. Однако в известной степени естественным путем произошедшая смена типа информантов позволяет более полно зафиксировать весь объем бытовавших в регионе названий, из которых часть («женская», «земледельческая») ранее просто упускалась из виду.

Второй тип – несовпадение собственно территориальное: в условиях частного землевладения на территориях с сильно пересеченной местностью (т.е. там, где отсутствуют большие площади, на которых выделя-

ются участки для всех членов общины) отдельная семья получает отдельный же участок и осваивает его, в том числе и номинативно. Создаются семейные микросистемы, нередко не известные во всех деталях жителям деревни из других семей. Наглядным примером реальности такого противопоставления могут послужить данные, полученные студенткой филологического факультета УрГУ И. Руль при изучении материалов полевых выездов Топонимической экспедиции Уральского университета в район оз. Мошинское (Нянд): отдельные информанты давали микротопонимию зон, расположенных в разных направлениях от деревень и никак не перекрещивающихся. Так, в д. Икса один из опрошенных информантов давал названия объектов, расположенных к западу от деревни, второй – в восточном и юго-восточном направлении; в д. Нестеровская один из информантов приводил микротопонию юго-западной ориентации, второй – северной.

В настоящее время, когда число жителей-старожилов в деревнях резко сократилось, мы сталкиваемся зачастую с «осколками» разных семейных микросистем, которые с большим трудом могут быть слиты воедино. Так, в д. Фоминогорская (В-Важ) в настоящее время проживает только несколько семей. Перечень названий сельскохозяйственных угодий у одного из информантов, К.П. Байдакова, выглядит следующим образом (сохраняется порядок перечисления информанта): *Запасное, Степь, Горбатые Полосы, Над Рекой, Гороховище, Павловский Лог, Подсосновица, Горожонный Лог, Чулкин Лог*. Жительница той же деревни А.Я. Парфенова, выполняя аналогичную просьбу собирателя («Назовите ваши поля и покосы вокруг деревни»), перечислила следующие названия: *Запасное, Мокруша, Офонино, В Пруд, Савкино, Кочи, Кулиги, Драчихи*. При повторных опросах с целью свести микротопонимикону в один А.Я. Парфенова легко вспомнила о поле *Гороховище*, которое она «пропустила», и после недолгого размышления добавила, что «Степь и Горбаты Полосы – это, верно, Мокруша и есть», однако не признала бытующими названиями ни одно из названий логов. К.П. Байдаков заявил, что названия *Савкино, Кочи, Кулиги*, «может, у кого и есть», а по поводу пожни *Драчихи*, подумав, припомнил: «Драчиха – это река такая есть». В таком несхождении микротопонимиконов видится именно несовпадение освоенных зон. Вполне возможно, что в период большей активности каждый из информантов был лучше знаком с «чужими» названиями, однако, судя по всему, все же не считал их «своими».

При опросе нередко не только информант, но и все присутствующие члены семьи, даже дети, активно участвуют в перечислении знакомых названий, пересыпая разговор комментариями типа: «А дедушкину-то

пожню сказала?»; «Наши-то, наши-то пожни не забудь»; «А которую ты, бабушка, говорила, Листвянка-то, она где? – Дак тоже наша пожня была»; и т.п. Есть все основания полагать, что сокращение числа семей, проживающих в деревне, резко сужает объем микротопонимикона – семейно закрепленная микротопонимия исчезает вместе с ее носителями. На сохранность такого рода ограниченных в употреблении членами одной семьи микротопонимов большое влияние оказывает сохранение самой семьи, активность поддержания внутрисемейных отношений, наличие доверительных отношений между представителями старшего поколения и молодежью: даже если дети и внуки не проживают постоянно в деревне, но регулярно, каждое лето приезжают для участия в сенокосе, уборке урожая и т.п., семейная микротопонимия сохраняется. Отсутствие постоянного контакта между поколениями приводит к полному забвению этого, порой весьма значительного, пласта местных географических названий.

Наконец, можно, очевидно, говорить о третьем типе, связанном с противопоставлением индивидуальных и общих микротопонимических систем. Роль отдельной личности в создании микротопонимических систем достаточно значима. Опрос информантов демонстрирует это в двух аспектах: с одной стороны, нередко указания на конкретного автора названия, ставшего достаточно известным вариантом номинации того или иного объекта наряду с общеупотребительным («Макар Иванович назвал, теперь так называем иногда», «Наша бабушка все поля по-своему называет, и мы вслед за ней» и т.п.); с другой стороны, весьма частотны и признания в авторстве самих номинаторов. Так, С.О. Тюков, житель д. Луда (Прим), описывая микротопонимию Унской губы, привел название *Соколиные Лахты* для системы заливов одного из дальних лесных озер, которое он признал «своим», им придуманным, и которое собирателям так и не удалось услышать от других жителей той же деревни. Аналогично свидетельство жительницы д. Пушлахта (Прим) М.С. Устиновой о ее собственных названиях озер – *Колдовское* («красивое очень») и *Озеро Негритят* («Черные окушки в нем водятся»). Характерно, что «собственность» данных названий ощущается информанткой даже в рамках собственной семьи; в частности, сын М.С. Устиновой называет одно из указанных озер *Папино* – «там папа всегда рыбу ловил»¹. Такого рода «автосвидетельства» нельзя признать частотными, но опросы информантов нередко обнаруживают индивидуальные расхождения в именовании одних и тех же объектов, которые, возможно, тоже связаны с существованием авторских микротопонимов. В д. Фоминогорская

¹ См. об этом: Словарь диалектоносителя / Публ. Е.Л. Березович // Ежегодник Ин-та русской культуры. 1995–1996. Екатеринбург, 1997. С. 128–130.

речку, впадающую в р. Вага у самой деревни и, без сомнения, известную всем, большинство информантов называет *Сезеньга*, что соответствует названию, нанесенному на карту. Однако А.Я. Парфенова приводит для этого гидрообъекта название *Федина*, которое остальные связывают с притоком Сезеньги. Житель той же деревни Г.И. Богданов, комментируя этот факт, говорит: «Аграфена Яковлевна на Фединой живет, ей и до конца до Ваги все Федина, она так и зовет». Интересный факт удалось наблюдать в д. Калинино (В-Важ): коренная жительница деревни Н.П. Зенкова, перечисляя названия сенокосных угодий, упомянула название пожни *Шаньга*. Ее муж, А.В. Саврасов, приехавший лет 15 назад из другого района, также хорошо знает это название, из чего можно заключить, что оно еще недавно являлось общеизвестным (сейчас в деревне остался только один жилой дом). Продолжая разговор, информантка, уточняя привязку одного из объектов, заметила: «Дак вот с Поливахой-то рядом», на что А.В. Саврасов отреагировал: «Ты говори как надо, что свою Поливаху-то вспоминаешь». Н.П. Зенкова тут же поправились: «На Шаньге, на Шаньге покос, это я так ее сама Поливахой зову». (Ср. в местных говорах: *шаньга* ‘круглый открытый пирог с начинкой из творога, картофельного пюре и т.п., политый сверху сметаной’, *поливах* ‘то же’.) Этот случай позволяет утверждать, что микротопонимическая система слабо нормирована, и каждый из носителей микротопонимии считает себя вправе употреблять предпочитаемый лично им вариант названия. Ср. также названия одного и того же хутора *Маховиков Хутор*, *Бречалов Хутор* и *Ванин Хутор*, приведенные соответственно жителями д. Верховино Д.Ф. Закрепиным, И.В. Бределевым и Ф.Ф. Игнатьевским. Последний при попытке собирателя выяснить, какое же из названий наиболее употребительно, сказал: «А ведь кто как назовет. Это Ивана Григорьевича Бречалова хутор, его Маховиком прозвали за что-то, потому хоть как назови – всем понятно, про что речь идет».

Индивидуальный подход к выбору номинативного варианта может сказываться не только в собственно ономаσιологическом аспекте, но и в плане оформления топонимов. Так, по наблюдениям И. Руль, одни информанты тяготеют к оформлению названий населенных пунктов суффиксом *-ская* (*Нестеровская*, *Макаровская*), другие для тех же населенных пунктов используют модель на *-ово* (*Нестерово*, *Макарово*). Уже упоминавшиеся жители д. Фоминогорская один и тот же лес в окрестностях деревни называют *Сыростное* (А.Я. Парфенова) и *Сыростница* (К.П. Байдаков). Подобные формальные расхождения возможны даже в рамках одной семьи: в д. Барабаново (В-Важ) С.Н. Шадрин последовательно называл соседнюю деревню *Зуевская*, его жена, Н.И. Шадрина – *Зуевские*. Ср. также названия глубокой ямы в течении р. Вага, находя-

шейся близ д. Верховино (В-Важ), *Под Кручей* и *На Кручах*, сообщенные соответственно Ф.Ф. Игнатьевским и А.Ф. Ширяевской.

Таким образом, микротопонимическая система того или иного населенного пункта существует в целом ряде вариантов, различия между которыми оказываются весьма значительными. Изучение таких вариантов, носителями каждого из которых могут быть очень небольшие социумы и даже отдельные личности, ставит вопрос о специфике соотношения узуального и окказионального в микротопонимии. Практика полевых сборов приучила собирателей скептически относиться к однократно зафиксированным микротопонимам даже в том случае, когда информант свободно оперирует таким названием, неоднократно пользуется им и уверенно соотносит его с конкретным объектом. В плане выявления общеупотребительной микротопонимической системы, особенно при реконструкции субстратного ее пласта, такой «коллективный» подход является единственно верным. Однако приравнивание любого индивидуально употребляемого названия к окказионализмам обедняет представления о функционировании микротопонимикона и лишает возможности наблюдать за ономаσιологическими особенностями топонимии. Очевидно, стоит не только фиксировать совпадающие у разных информантов названия, но и отмечать все индивидуальные несовпадения как в обозначениях одного и того же объекта, так и в микротопонимиконе в целом.

Ю.Б. Попова

К вопросу об источниках изучения коллективных прозвищ в говорах Русского Севера

В статье предпринимается попытка анализа источников изучения севернорусских коллективных прозвищ. Опыт изучения русских коллективных прозвищ показывает, что именно по этой территории данный антропонимический материал выделен наиболее полно и разнообразно. В качестве опорного материала для комплексного исследования коллективных прозвищ использовались полевые записи Топонимической экспедиции [далее – ТЭ] Уральского государственного университета и письменные источники, которые можно разделить на два типа: 1) неспециализированные источники – этнографические и фольклорные (труды В.И. Даля, М. Забылина, Д.К. Зеленина, И.П. Сахарова,